

Вера Ивановна Казанова (1932 г. р.)

Родом я со Смоленщины из деревни Захарино. Когда началась война, мне было девять лет. Отца забрали на фронт. Он погиб на передовой в самом начале войны. Вскоре пришли немцы и заняли Смоленск - на четыре года. Мама и оказалась с нами, четверыми детьми, в оккупации. Фашисты отобрали у нас всё: всю скотину, кур, все припасы - есть было нечего. В нашей небольшой хатке поселили человек десять немцев. Мы ютились на печи, а они на соломенном полу расположились. Маме удалось спрятать на дворе мешок с рожью. Пока днём немцев в доме не было, она варила нам эту рожь. Потом с едой стало совсем плохо. Помню, сидим на печке и смотрим, как немцы едят. А их кормили хорошо – колбаса, хлеб, сыр, рыба вяленая. Наедятся они, объедки в ведро и на помойку. Мы бегом туда, вот это и ели. Только весной травка первая появится, нащиплем щавеля, мама щи сварит, а посолить нечем – соли не было...

За рекой, недалеко от нашей деревни, был большой хутор, там жили евреи. С приходом немцев его обнесли колючей проволокой. Кому-то удалось сбежать, но немногим... Однажды жителей нашей деревни согнали к оврагу, а на другой его стороне собрали евреев и расстреляли их – на наших глазах... Что мы тогда пережили? Кричали, плакали, прощались друг с другом, - думали, что нас ожидает та же участь. Но в тот день нас отпустили... Вернулись по домам, не живые не мёртвые. А вечером нам постучали - одной женщине удалось пастись. Это была Елизавета, учительница. Она умоляла маму спрятать её хоть на одну ночь. Мамка спрятала её в сарае под сеном. Однако кто-то донёс, пришли полицаи с обыском. Стали длинными железными шомполами тыкать в сено - до земли. Позже Елизавета рассказала, что, к счастью, в неё не попали, так как она буквально вжалась в стену сарая... Рано утром она ушла в лес к партизанам.

Помню, тогда немцев у нас в доме уже не было, ушли из нашей деревни, с мамой договорился один из наших партизан, что он будет приносить муку, а она печь из неё хлеб. Пекла мама по ночам, а утром положит его в сумку, и я иду за деревню, где меня ждал кто-то из партизан...

Однажды, уже во время наступления наших войск, начался сильный обстрел, бомбёжка. Немцы отступали по нашей деревне... Мы все бросились к оврагу. Младшего мать несла на руках, остальные «прицепом»... Прямо перед нами снаряд разорвался... Один осколок попал в висок маме... Насмерть. Мы все на неё упали, плачем... А рядом никого. К вечеру стихло всё. Побрели к дому, смотрим, а хаток наших нет, сгорели. Нас взяла к себе тётка, папина сестра, у неё своих детей не было. Сделали шалаш из веток и соломы на первое время, а потом вырыли землянку. Условия были ужасные. И нас, младших, забрали в приют. Но мы там затосковали и однажды сбежали обратно в деревню... Добирались до Захарина около недели. Нас хотели в детдом отправить, но тётка не отдала, - так в землянке и жили. Позже, после войны, когда узнали, что у нас родители погибли, район построил нам домик...

...В четырнадцать лет попала в Коми АССР. Узнали с девчонками, что набирают рабочих на бумажную фабрику, и поехали туда устраиваться. Чтоб взяли, соврала, что мне 15 лет, тогда документов не было никаких. Нас, четырёх девочек, вербовщик увёз на станцию Каджером. Только работать пришлось не на фабрике, а в лесу. Помогали лес заготовливать, ветки убирать. С едой плохо было, питались хлебушком с маргарином, запивали пустым кипятком... Когда мы с подружками совсем обессилели, попали поселковую больницу. Здесь нас подлечили, подкормили. Оклемались чуток, и снова завербовались, ещё на полгода. А потом узнали о наборе рабочей силы в Костромской области на железную дорогу. Поехали туда. Сначала я попала в ремонтную бригаду, потом работала стрелочницей, а затем выучилась на кассира: продавала билеты на вокзале. Познакомилась с парнем, который служил тогда в армии. После окончания службы уехали к нему на родину. Так я попала в поселок Верхний Ландех Ивановской области .